

Обобщая характеристику рецензируемой книги, выполненную ученым-марксистом и патриотом, хочется подчеркнуть точность доказательств, которые соответствуют адекватности утверждений автора, его принципиальность, проявляющуюся в поисках объективной истины, новизну и надежность полученных сведений. Монография Ф. П. Филина на многие десятилетия вперед определяет направление и содержание исследований по истории русского литературного языка (и, надо полагать, и новую учебную литературу по этому предмету).

Глубина и актуальность содержания этой книги, простота и ясность его изложения, аргументированность теоретических положений, важность разрешаемых автором проблем, выходящих по своему значению за пределы сугубо лингвистических работ, позволяють надеяться, что книга «Истоки и судьбы рус-

ского литературного языка» будет с интересом воспринята широким читателем, лингвистом и литературоведом, историком и философом, писателем и учителем, а также каждым любознательным человеком, для которого не безразлична история русского народа и его языка.

Федоров А. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 351.
2. Унбегаун Б. О. Историческая грамматика русского языка и ее задачи. — В кн.: Язык и человек. Сборник статей памяти профессора Петра Саввича Кузнецова. М., 1970.
3. Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. — Л., 1976.

Svoboda A. Diatheme. A study in thematic elements, their contextual ties, thematic progressions and scene progressions based on a text from Ael'ric. — Brno: Univ. J. E. Purkeně, 1981. 205 p.

Рецензируемая книга представляет собой опыт создания функциональной грамматики по схеме Я. Фирбаса, на материале текста проповеди монаха Эльфрика (955—1020) на древнеанглийском языке. Рамки содержания (крещение Христа) позволили автору представить не только весь текст в виде огромной сцены, на которой появляются персонажи проповеди (Христос, Иоанн-креститель, апостолы, ученики, дьявол, грешники и т. п.), совершающие ограниченный круг действий. Каждый параграф выведен в виде широкой сцены, на которой происходят определенные события, а каждое предложение трактуется в виде узкой сцены того, что осуществляется на переднем плане.

Основной методикой анализа принят подсчет того, как ведут себя элементы предложения в той или другой функции (диатемы, темы, ремы и т. п.) и какими связями они соединены. Все эти данные представлены в диаграммах, схемах, графиках и таблицах. Книга состоит из «Введения» (с. 1—7), где излагаются основы теории и поясняется терминология, и самого исследования, разбитого на четыре главы: «Описание текста», «Грамматика», «Семантика», «Контекст» (с. 8—190). Завершается книга «Приложением» (с. 197—204). Библиография из 94 названий включает труды преимущественно чешских языковедов.

Опыт построения функциональной грамматики, предложенный А. Свободой, заслуживает внимания хотя бы потому, что за последние годы языковедение вплотную подошло к проблеме выявления особенностей «языка в действии», т. е., как стало модным говорить, к прагматике языка, к его функционированию. Используя сословские термины, можно было бы сказать, что лингвистику

языка сменила лингвистика речи, и коммуникативный аспект языковых явлений завоевал себе прочное место в лингвистических исследованиях. Подчеркнем, что главным предметом анализа остался фиксированный текст. Изменился лишь ракурс анализа: в научный обиход был введен новый понятийный и терминологический аппарат, который позволил рассмотреть динамику построения текста. В центре функциональных грамматик оказался синтаксис и его основная коммуникативная единица — предложение-высказывание.

В Чехословакии идеи Я. Фирбаса оказались противопоставленными концепциям ряда лингвистов, и вместо двучленной конструкции предложения, состоящей из темы и ремы (Матезиус), была предложена трехчленная конструкция, включавшая в свой состав элемент, переходный от темы к реме, как правило, — глагольную форму (сказуемое). В рамках учения о функциональной перспективе предложения была поставлена проблема носителей разной степени коммуникативного динамизма. Дальнейшее развитие этого учения привело к выделению в тематической сфере собственно темы и диатемы как самого динамичного элемента в пределах этой сферы, а в нетематическую сферу вошли менее динамичный собственно переход, т. е. спрягаемая часть глагола (флексия) или вспомогательный глагол в аналитической форме, переход, обычно представленный содержанием компонентом глагола, и, естественно, рематическая сфера, состоящая из ремы и наиболее динамичной собственно ремы [1]. А. Свобода присоединяет к этому явление тематической прогрессии, установленное Ф. Данешем (наличие в раз-

вертывании высказываний определенного расположения тем, их взаимного сцепления и иерархии, обеспечивающих вхождение элемента в текст, в котором выделяется также гипертема, т. е. элемент, сохраняющийся в составе тематической сферы ряда предложений без изменения его семантики) [2]. А. Свобода распространяет явление прогрессии и на динамику как широкой, так и узкой сцены. Весь репертуар этих понятий демонстрируется на материале анализа 450 предложений текста проповеди.

При анализе предложений используется позиционный принцип, включающий и нулевую позицию, которую могут занимать союзы, относительные местоимения, даже когда они представляют собой диатемы, подчиненные предложения, если они предшествуют главному, и т. д. Проведенные А. Свободой подсчеты показали, что 72,9% предложений содержат диатему одного из двух типов: субъектно-объектную (более 50%) или адвербиальную (около 20%), прочие не имеют тематической сферы.

Субъектно-объектная диатема представляет собой: 1) вновь вводимый элемент сцены, например: *Тот Иоанн (ДТ) был рожден (Пер) от отца и матери (Р) и он (Т) был (Пер) простым человеком (Р) великий и известный (собств. Р)*, и 2) хорошо известный элемент сцены, но заново выступивший на нее, например: *Мы (Т) имеем (Пер) прекрасный пример (Р) этого дела (ДТ)*, т. е. дела, о котором речь шла выше¹. Адвербиальная диатема представляет собой стоящий в центре сцены либо новый, либо известный адвербиальный элемент, например: *Там (Т) стоял (Пер) тот Сын (Р) в человеческом образе (ДТ) и тот Отец (Р) воззвал (Пер) с небес (ДТ)*.

В развертывании функциональной перспективы предложения идет перемена всех ролей, и то, что было ремой предыдущего, может стать диатемой (или темой) последующего предложения, например: *Иоанн (ДТ) подошел (Пер) к той реке (Р), которая (ДТ) называется (Пер) Иордан (Р)*. В виде диатемы может выступать придаточное предложение, которое внутри также может разделяться на тематическую и рематическую сферы.

Глава «Грамматика» (с. 10—38) содержит характеристику классов слов и синтаксических категорий, представляющих диатемы, а также описание собственно темы и собственно ремы. Далее представлена линейность расположения элементов как первый фактор, способствующий развитию повествования. Вторым фактором названа семантика элемента, допу-

скающая изменения только под влиянием третьего фактора — контекста.

В главе «Семантика» (с. 39—92) содержится подробный анализ материала и вводится ряд уточняющих основные понятий, таких, как дополнительные и ориентированные диатемы и темы. Свободными диатемами и ремами названы подчиненные предложения, имеющие свой тема-рематический состав, но выступающие в качестве таковых по отношению к главному предложению.

Если противопоставление ремы и темы основывается на степени коммуникативного динамизма (высшей и низшей), то противопоставление ремы диатеме зиждется на сходстве их функций в каждой из сфер, в которых они выступают в качестве наиболее информативных центров. Сферы темы и не-темы асимметричны, т. к. элементы первой могут быть опущены (эллипсис темы), а переходные элементы почти не опускаются, уже не говоря о реме. В предложении обнаруживаются две тенденции поведения элементов: (а) превращения в гиперэлементы, т. е. части гипертемы, и (б) сохранения уникальности, что свойственно реме.

Далее вводятся две шкалы, названные фирбасовскими: А-шкала (arrangance scale) фиксирует появление элемента на узкой сцене — предложении (его наличие трактуется как частный случай этого), а К-шкала (quality scale) фиксирует элемент как носителя качества или как уточнителя этого качества. Предложения с диатемами в большинстве случаев представляют К-шкалу, а А-шкала обнаруживается лишь в 5—12% примерах.

Самая обширная глава «Контекст» (с. 93—190) основана на теории Я. Фирбаса о трех видах этого явления: контекста общего опыта, контекста ситуации и словесного контекста, предшествующих анализируемому предложению и определяющих широкую сцену, которая дополняется узкой сценой, зависящей от сиюминутной цели говорящего, который может изменять контекстуальные условия. Контекст как динамика сцены позволяет устанавливать принадлежность элементов к А-шкале или к К-шкале, т. е. определять и широкую, и узкую сцены, причем последняя составляется лишь из тематической сферы. Изменение этих сцен определяется качественно и количественно при сопоставлении с последующим состоянием сфер темы и не-темы в дальнейших предложениях.

Контекст определяет предложение на трех ступенях: (1) базовой, где элементы не зависят от него и связаны лишь линейностью и семантикой, (2) первой, где один (или более) элемент зависит от контекста, т. е. факторы вступают в действие, и (3) второй, где все элементы зависят от контекста, кроме одного, резко контрастного всему контексту, причем линейность и семантика не играют никакой роли. Автор показывает, что базовая ступень представлена начальными предложениями всего произведения и каждого параграфа, т. е. они формируют узкую сцену сами, а не на фоне широкой сцены, и в них широко представ-

¹ Все примеры даны в виде соответствующих пословных русских эквивалентов. Вертикальная черта отделяет предложения. Вводятся обозначения: ДТ — диатема, Т — тема, Пер — переходный элемент, Р — рема. При этом в целях упрощения мы не указываем собственно переход, собственно тему, собственно рему, эллипсис, но в случае необходимости добавляем эти сведения. В отличие от оригинала, используется русская нотация терминов.

лена А-шкала (22% против 5,2% в прочих предложениях). Отмечается, что в древнеанглийском, в отличие от современного английского языка, вынос ремы на первое место не означает ее особого выделения (эмфазы).

Предложения первой ступени составляют главный предмет исследования, и в них устанавливается тематическая прогрессия (ее пример приведен в «Приложении»). Для приписывания роли диатем (или тем) определенным элементам устанавливаются коммуникативные функции семантически идентичных или близко связанных элементов, которые либо предшествуют диатемам, либо следуют за ними. На диаграммах приводится подсчет, свидетельствующий, что субъектно-объектным диатемам в 40% случаев предшествуют не-тематические элементы, главным образом — ремы, а для адвербиальных диатем характерно отсутствие какого-либо элемента как в позиции перед ними, так и после них. Субъектно-объектные диатемы обычно теряют динамику и уходят на задний план «сцены», превращаясь в собственнo или в ориентированные темы, а случаи перехода в ремы, т. е. интенсификации диатемы, крайне редки. Автор устанавливает три главных функции диатем в тематической прогрессии: (1) соединения предшествующих не-тематических сфер с последующими тематическими, открывая первым выход на «узкую сцену», (2) соединения следующих друг за другом «узких сцен» (тематических сфер) благодаря сохранению или выходу определенного элемента на первый план, (3) введения «нового» аспекта на «узкую сцену» таким образом, что новый элемент выглядит как уже имевший место на «широкой сцене» до этого. Субъектно-объектные диатемы в равной мере выполняют все эти функции, а адвербиальные — почти исключительно третью. В отличие от диатем, все темы, включая нулевую, характеризуются как предшествованием, так и следованием за ними тоже тематических элементов, что свидетельствует об их роли стабилизаторов «узкой сцены».

Диатемы и собственно темы могут участвовать в формировании гипертемы разной длины и разного состава от 2 до 217 элементов, причем цепочки из собственно тем составляют 10,7%, из диатем — 32,2% и смешанные цепочки — 57%, в пределах последних диатемы составляют 36,2%. Это свидетельствует об одной из главных функций диатемы — определять внутреннее направление «узкой сцены» либо в сторону к дединамизации (от ДТ к Т — 69,9%), либо в сторону к интенсификации (от Т к ДТ — 30,1%), причем сигнализирующими средствами служат грамматика, семантика и контекст. Другим видом дединамизации является переход ремы в диатему или в тему, а при интенсификации осуществляется обратный переход этих последних в рему (21,1% всех изменений). По сравнению с темами диатемы выступают в подавляющем большинстве примеров как непосредственно связанные с ремами.

Для того чтобы выделить специфику тематической прогрессии, автор дает краткий анализ рематической прогрессии,

вводящей новую информацию, и показывает, что ведущим принципом первой являются семантическое тождество и сходство, а второй — семантическое различие. Обе прогрессии взаимно дополняют друг друга в становлении «структурной когезии» текста и обеспечивают его понимание.

Глава заканчивается обобщенным анализом еще двух прогрессий — сценической и фирбасовых шкал с демонстрацией их на схемах и показом, как на «широкой сцене» всего текста возникают «широкие сцены» отдельных предложений и «узкие сцены» в пределах «широких» и как около воображаемой оси располагаются А-шкала и К-шкала с явным перевесом последней. Автор заканчивает книгу, обратив внимание на то, что в ней рассмотрена лишь сфера темы, а полный анализ должен включать и не-тематическую сферу, не говоря уже о том, что изучение фирбасовых шкал, например, должно основываться на целой совокупности текстов.

Ознакомившись с книгой А. Свободы, следует прежде всего отметить, что перед нами очень тщательно выполненное и крайне трудоемкое исследование, демонстрирующее возможность применения и развития идей Я. Фирбаса, правда, на примере ограниченного по содержанию и по структуре текста. Точность цифровых данных и графических представлений убеждают в том, что предложенные методики весьма полезны при тема-рематическом анализе и могут использоваться гораздо шире, чем это делалось до сих пор. В сущности труд А. Свободы является пионерским в этом плане. Есть в нем, однако, ряд моментов, которые заставляют задуматься и поразмыслить над ними.

Во-первых, это касается выбора языка и текста. С одной стороны, оба момента кажутся весьма благоприятными: текст жестко детерминирован и поэтому позволяет производить достаточно точные подсчеты. Кроме этого, данный текст соединяет в себе устный и письменный варианты речи (проповедь говорилась). Но, с другой стороны, содержание текста с канонизированными персонажами и событиями допускает почти однозначное толкование соотношения тематических и рематических сфер и раскрытия тематической и сценических прогрессий. Именно это обстоятельство дало нам возможность привести эквивалентные русские примеры, и, следовательно, напрашивается вывод, что тема-рематический анализ является анализом содержания, безотносительного к формам выражения, т. е. к языку текста. Переводы на современный английский язык, которыми автор сопровождает комментарий, подтверждают это, т. к. отличаются от древнеанглийских предложений по соотношению темы и ремы буквально в двух-трех случаях, объяснимых твердым порядком слов.

Вряд ли является также случайным, что автор оперирует термином «элемент», заменив им термин «коммуникативная единица», и в качестве таковых выступают не только слова, но и сочетания типа: *одна (некая) женщина, к Христу, тот*

